

Artykuły teoretyczne i historyczne

Теоретические и исторические статьи

Илья Я. Левяш

Национальная академия наук Беларуси, Минск

Философия как софия. К постдисциплинарному знанию

Filozofia jak sofia. Ku wiedzy postdyscyplinarnej

1. Кризис философского знания

Перефразируя классика, можно утверждать, что кризис бродит по миру, кризис философии. Его симптомы очевидны, и парадокс в том, что по известным, принятым Программой развития ООН критериям человеческого развития освоение философии имплицитно подразумевается в таком параметре, как «образование», но в его структуре философия – все более исчезающе малая величина. Об этом свидетельствует уже статистика нарастающих диспропорций между естественнонаучным и гуманитарным знанием, а в них – сопричастности к философии. Так, приблизительно 7% американских студентов специализируются на гуманитарных науках. Общее количество британских студентов за последнее десятилетие увеличилось на 13,5%, но самый большой рост произошел в математических науках (43,4%), тогда как минимальный был в филологии (2,5%), исторических и философских исследованиях (0,1%). Видимо, поэтому темой «круглого стола» на Международной конференции философов славянских стран в Наленчуже (Польша) стал риторический вопрос: «Кому еще нужна философия?».

Казалось бы, ответ на этот вопрос заключается в экономцентристском характере современного общества, его культе (но отнюдь не культуре) прагматической «пользы». Однако российский философ Михаил Эпштейн в журнале «The Conversation» (Великобритания) пишет, что, хотя ныне преобладает «тенденция обвинить рынки вакансий, экономический кризис, жадность

корпораций, безразличие правительства, навязчивую идею новых технологий (...) список продолжается», но «те из нас, кто работает в большой системе образования, должны быть достаточно ответственными, чтобы принять, по крайней мере, часть вины за снижение роли и престижа наших профессий. Мы должны более критически смотреть на наши собственные методы (...). Я думаю, что текущий кризис гуманитарных наук вызван в значительной степени определенным интеллектуальным аутизмом. Гуманитарные науки потеряли способность общаться с людьми как духовными существами; вместо этого, они хотят иметь дело с текстами прошлого, главным образом ради критики и разрушения»¹.

Этот сократовский вердикт («Познай самого себя») следует не только принять, но и поставить двуединый вопрос: *почему* философия оказалась в ситуации Золушки? *Что* необходимо сделать, чтобы обеспечить ее выход из кризиса? Ответить на этот вопрос – значит выяснить истоки, суть и последствия не только традиционно известного «блеска» философии в ее эволюции, но и трудноуловимого и еще не отрефлексированного феномена ее «нищеты».

2. Три искушения философии

Как форма духовной практики, философия возникла на позднем этапе античного мышления в итоге кризиса *софистики* – несистематизированного интеллектуального течения, представленного такими выдающимися умами, как Протагор, Горгий, Антифонт и др. Заслуга софистов в том, что они впервые обратились к проблематике человека, противоречиям его мышления и поведения, но представили их в субъективистском духе, вплоть до отрицания объективного характера мира и производной от него истины. Позднеантичный историк философии Диоген Лаэртский утверждает, что, в конечном счете, софисты отказались от изучения смысла идей и сосредоточились на их вербальном выражении в форме риторики.

Такая инволюция тем не менее соответствовала акматическому состоянию античного полиса – взлету гения еще нерасчлененной энциклопедии знаний, расцвету ремесел, политическому авангарду греческой демократии – и вызвала к жизни невиданный расцвет «любомудрия» или *философии*, представленной прежде всего Демокритом, Сократом, Платоном и Аристотелем. Малоизвестно, что они принципиально ревизовали антропоцентристскую формулу Протагора: «Человек – мерило всех вещей». Так, Аристотель

---

¹ М. Эпштейн, Выход из кризиса гуманитарных наук – в них самих, <https://theconversation.com/the-solution-to-the-humanities-crisis-must-come-from-within-24137>

полагал: «Не то, что кажется каждому, есть мера». Если основной принцип софистов гласил: «Человек есть мерило всех вещей», то «в этом, как и во всех их изречениях, заключается двусмысленность, так как человек может быть рассматриваем как дух в его глубине и истинности или со стороны произвола и частных интересов. Софисты имели в виду только субъективного человека и утверждали, что произвол есть принцип справедливого права и что стимулом, имеющим решающее значение, является полезное для субъекта»².

Характерно, что философия, разочарованная в самодостаточной софистической риторике, вовсе не отреклась от вербального выражения своих поисков в системе смысловых терминов и вступила в союз с филологией. Согласно позднеантичной мифологии, бог Меркурий не мог вступить в брак с Софией-Мудростью. Сопровождаемый Добродетелью, он отправился к Аполлону, который посоветовал ему заключить брачный союз с Филологией – дочерью Размышления. Филология в своей семантической купели – это «просто любовь к науке, любовь к знанию, мышлению, размышлению»³. В таком контексте философия сформировалась как *мудрость* постижения универсалий или «последних оснований» человека в мире и мира человека, смыслов его жизнедеятельности, филология – как выражение их семантики в семиотико-вербальных формах, но у нее нет своего «во имя»⁴. Благодаря такому синтезу философия стала и ориентирующим практику *смысложизненным проектом*. Она превратилась в выразительницу подлинной Софии – богини Премудрости, «знания о сущности», «причинах и источниках» (Аристотель) творческой жизнедеятельности.

С тех пор философия, по Гегелю, является выражением эпохи, «схваченной» в ее противоречиях. В таком понимании миссия философии в двух ее ипостасях («линия Аристотеля» и «линия Платона») воспроизводится на всех последующих этапах общественного развития⁵, и она увенчалась гениальной универсалистской максимой раннехристианского мыслителя Плотина: «Я во всем и все во мне».

С первым своим судьбоносным искушением философия столкнулась в эпоху «долгого» средневековья. И вовсе не потому, что Фома Аквинский провозгласил свое учение о «двух истинах» – божественной и земной, обусловленное прогрессом «наук и ремесел». В многовековом споре об универсалиях философию постигла другая напасть – *схоластика*. Ее модель пред-

² Г.В.Ф. Гегель, Философия истории, СПб.: Наука, 1993, с. 293.

³ А.Ф. Лосев, История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития, М.: Искусство, 1992, с. 161.

⁴ Н.А. Бердяев, Философия творчества, культуры, искусства в 2 т., т. 1, М.: Лига, 1994, с. 291.

⁵ Р. Тарнас, История западного мышления, М.: Крон-пресс, 1995.

стает в дискуссии между Аквинским и его учителем Альбертом Великим. В саду Парижского университета диспутанты обсуждали странный вопрос: Есть ли у крота зрение? Спор начался с рассветом, солнце уже клонилось к закату, и поневоле слышавший спор садовник предложил извлечь из норы одного из кротов и убедиться в его предмете. И тогда диспутанты дружно возразили: Что вы... Мы спорим о *принципе*: если ли у крота зрение?

Философия устранилась от смысложизненных поисков состояния и перспектив эволюции культуры и цивилизации, лишила интеллектуальные и политические элиты способности адекватной ориентации в мире. Не случайно французский король Людовик XVI, «под собою не чуя страны», за день до штурма Бастилии написал в своем дневнике: «Ничего».

В таком печальном состоянии философии повинны, разумеется, и «короли». Но по-сократовски дело не только в них. Об этом убедительно писал еще мыслитель раннего Возрождения Джованни Пико делла Мирандола в своей «Речи о достоинстве человека»: «Ведь в действительности изучение философии является несчастьем нашего времени, так как находится, скорее, в презрении и поругании, чем в почете и славе. Губительное и чудовищное убеждение, что заниматься философией надлежит немногим, либо вообще не следует заниматься ею, поразило все умы. Никто не исследует причины вещей, движение природы, устройство вселенной, замыслы Бога, небесные и земные мистерии, если не может добиться какой-либо благодарности или получить какую-либо выгоду для себя. К сожалению, стало даже так, что учеными считают только тех, кто изучает науку за вознаграждение. Скромная Паллада, посланная к людям с дарами Богов, освистывается, порицается, изгоняется; нет никого, кто любил бы ее, кто бы ей покровительствовал, разве что сама, продаваясь и извлекая жалкое вознаграждение из оскверненной девственности, принесет добытые позором деньги (...). С огромной печалью я отмечаю, что в наше время не правители, а философы думают и заявляют, что не следует заниматься философией, так как философам не установлены ни вознаграждения, ни премии, как будто они не показали тем самым, что они не являются философами. И действительно, так как их жизнь проходит в поисках денег или славы, то они даже для самих себя не размышляют над истиной»⁶.

В Новое время под влиянием «научной цивилизации», достижений прежде всего естествознания того времени и вместе с тем острого дефицита гуманитарного знания (философия К. Маркса была еще не известна) попытку вывести философию из состояния комы и анемии, возродить ее универсалистское предназначение служения Софии предпринял *позитивизм*. Ее основоположник О. Конт – автор «Курса позитивной философии»,

---

⁶ Дж. Миранола, Речь о достоинстве человека – История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5 тт., т. 1., М.: Искусство, 2003, с. 506, 514.

«Системы политики», «Социологии» (им впервые введено это понятие) предпринял «системосозидание» с позиций натурфилософского рационализма, редукционизма и господствующего сциентизма. Конт не был равнодушен к проблематике человека и его свободы. Но, писал он, «позитивизм заключается для человека в признании порядка, внешнего по отношению к человеку»⁷. Позитивизм сфокусировался на традиционном для эпохи культ разума реформировании «социальной механики», как внешнего для человека фактора, и даже конструировании идеального («позитивного») социального строя согласно охранительной формуле «порядок и прогресс».

Не удивительно, что в динамике естественнонаучных революций конца XIX-начала XX столетий, еще подспудных, а затем и катастрофных социальных разломов общества «стабильности и порядка» позитивизм был обречен на утрату смысложизненных ориентаций, дегуманизацию и натурфилософский структурализм. «Материя исчезла», и истина представлялась черной кошкой в темном помещении, которой к тому же там нет. Это была ситуация «усталой философии», подобная той, которую изобразил В. Гюго в картине человека, засыпающего на берегу бурного моря и смываемого волной.

Постпозитивизм (Л. Витгенштейн, П. Карнап, П. Фейерабенд) как-будто вернулся к гуманистической проблематике (в российской версии – к «человекомерным системам»), но акцентировал не на проблематике поиска истины (лишь относительной еще для софистов), а на изощренных лингвистических «играх». П. Сорокин который вначале отдал дань всем разновидностям позитивизма, в конечном счете, отверг натурфилософский либо семиотический редукционизм и вернулся к софийному принципу гуманизма. «С ним, – писал он, – несовместимы «либидо» Фрейда, экономические факторы Маркса, «реликты» Парето и многое другое. Человеческая история [а их интерпретации – *И.Л.*] оказывается ничем иным, как постоянным взаимодействием космических лучей, солнечных пятен, климатических и географических изменений, биологических сил, стимулов, инстинктов, условных и безусловных пищеварительных рефлексов. Именно эти силы, а не человек, ставший лишь глиной, являются творцами всех исторических событий и создателями культурных ценностей. Сам же человек как воплощение неорганической энергии, мысли, совести, сознания, рациональной воли играет незначительную роль в разворачивании этой драмы. В наших «научных» изданиях его оттеснили а кулисы, чтобы она был игрушкой в руках слепых сил (...) человек падает с величественного пьедестала абсолютных ценностей»⁸.

⁷ Цит. по: Р. Арон, Этапы развития социологической мысли, М.: Прогресс, 1993, с. 106.

⁸ П. Сорокин, Человек. Цивилизация. Общество, М.: Издательство политической литературы, 1992, с. 483.

Третьим и наиболее значимым для нас искушением философии является ее испытание *Современностью* как этапа императивной модернизации мира. Этот процесс гораздо более емкий и системный не только в силу жгуче актуального интереса к нему, но и «онтологически» как постижение роли и статуса философии в отныне едином и неделимом глобальном мире.

Востребовано не физическое (темпоральное), а сущностное понимание смысла современности. Как-то в экспертной среде (не говоря уже о политиках) осталась незамеченной конкретизация модели современного модернизационного процесса профессором Упсальского университета, директором Шведского колледжиума высших исследований в области общественных наук Б. Виттроком. Он пишет о существенных различиях в интерпретациях Современности: «Требуется ввести те или иные сущностные параметры (...) какие обычаи и институты современны, а какие – нет. Общество современно только при условии, что ряд ключевых для него институтов и типов поведения правомерно называть современными». По Виттроку, современность не сводится к «совокупности технологических и организационных нововведений», порожденных и инициируемых индустриализацией и урбанизацией. Это также новые институты, способные «стимулировать непрерывный процесс инноваций», но прежде всего это «культурные слагаемые современности, а именно этой частью своего собственного наследия социальная наука склонна пренебрегать»⁹.

С этих позиций формирование человеческого капитала и потенциала становится лейтмотивом философии. А чем она озабочена? Едва ли не повсюду на аутентичного Маркса «смотрят, как Ленин на буржуазию». Прежняя догматизированная «марксистско-ленинская» философия «крахнула», но что взамен? Еще в середине 90-х гг. прошлого века автор этой статьи публично возразил против архаизации и фрагментации философского знания, сведенного не только к менее проценту учебных программ в системе образования, но и его подмене текстами из истории философии на основе неких произвольно избранных «трансформ»¹⁰. Ситуация живо напоминала образ известного немецкого художника Пауля Клея – птицу, устремленную как будто вперед, но с повернутой назад головой. Но ушли ли дальше энтузиасты Болонского процесса, если в его программе Горизонт-2020 вообще нет *ни слова* о философском образовании, как мировоззренческом и методологическом базисе формирования научной картины мира, а вместо него практикуется прагматическое, технологически эффективное «клиповое» микросознание.

---

⁹ Б. Виттрок, *Современность: одна, ни одной или множество?*, Полис 2002, №1, с. 141, 144.

¹⁰ И.Я. Левяш, *Реформы и трансформы*, Беларуская думка 1996, №11, с. 52–57.

Что же необходимо для реанимации и обновления философской культуры? Как говорил Сенека, ни один ветер не является попутным для корабля, не знающего маршрута. Чтобы знать его, прежде всего, необходимо постижение назревших объективных противоречий гуманитарного, в том числе и философского, знания и поиск путей и форм конструктивного исхода.

3. Противоречия современного Знания

Все, кто сопричастен к этим проблемам, сознают, что это подлинная ломоносовская «бездна, звезд полна», и, прибегая к методу «бритвы Оккама» (минимизации сущностей), противоречия современного Знания необходимо свести к смысловому интегралу.

1) *Первое* из искомым противоречий – между *целями и средствами* многомерного Знания и процесса его постижения. Здесь – рубикон рассогласования между традиционной системой формирования человеческого капитала, как ньютоновского «вместилища» знаний, необходимых для простого воспроизводства трудовой и социально-политической «мегамашины», и неуклонно нарастающей сложностью и динамикой современного мира. Для универсалистской идеи разум индустриальной эпохи стал погребальным. Уже Ф. Ницше беспокоило, что «(...) если люди принуждены работать на научной фабрике (...), то им грозит в ближайшем будущем такая же гибель, как и невольникам (...), принужденным работать на этой фабрике»¹¹.

Рассматривая «плоды просвещения» глазами Ч. Диккенса, Дж. Оруэлл писал: «Идиотизм системы просвещения (...) он не приемлет, но, с другой стороны, ему вовсе не нужна школа нового типа (...). Расплывчатость и неопределенность (...) свидетельствуют о полном отсутствии у Диккенса хоть какой-нибудь теории образования (...). Мальчики «учились с добрыми намерениями», *но чему и как они учились?»*¹².

Ответ на этот вопрос в контексте современных реалий «в полный рост» встал на Международном Форуме по науке и образованию (2000). С точки зрения его участника М. Кастельса, глобальный рынок – это огромный автомат, сеть механизмов, запрограммированных по единому принципу: зарабатывание денег с целью зарабатывания денег. Остальные жизненные ценности не учитываются. В связи с интенсивным развитием сетевой экономики современная социальная и культурная среда создает угрозу для жизни. В этой связи Э. Гидденс выдвинул на Форуме идею формирования новой модели «правильно» функционирующего общества. По его мнению,

¹¹ Ф. Ницше, Сочинения в 2 т., т. 1, М.: Рипол классик, 1998, с. 205.

¹² Дж. Оруэлл, Эссе, статьи, рецензии, в 2 т., т. 2, Пермь: Капик, 1992, с. 98–99.

общество, в котором доминирует государство, не может быть «хорошим». Вместе с тем в таком обществе не должны главенствовать предприниматели и рынок, там нет места коммерциализации всех форм деятельности. Оно признает главенствующую роль гражданина в общественной жизни, рассматривает его не только как потребителя и предоставляет широкие возможности для его всестороннего развития¹³.

В принципе альтернатива такова: или науке и образованию отводится вторичная функция «услуг» вездесущего рынка (так называемое «научное сопровождение»), или она действительно становится всеобщей, непосредственной, революционной и социально-преобразующей силой, и лишь в таком полифункциональном – политехническом и социогуманитарном – качестве способна решать свою практико-гуманистическую сверхзадачу.

2) *Второе* противоречие структурного характера – между *специализацией и универсализацией* Знания. В принципе эта коллизия архетипична. Уже Гераклит утверждал, что «многознание не научает уму (...). Одна есть Мудрость – познать разум, который господствует во всем». Но только ли разум вдохновлял Леонардо да Винчи, когда он писал: «Ты не можешь быть хорошим живописцем, если ты не являешься универсальным мастером в подражании своим искусством всем качествам форм, производимых природой»¹⁴.

Каким образом воплотить многомерный творческий потенциал человека в реалиях современной науки и образования? Если в начале XX в. насчитывалось около 150 отраслей наук, то в начале XXI в. – уже более 2 тысяч. А. Эйнштейн усматривал в этом отставание «единого, общего понимания науки», которая все более напоминает Вавилонскую башню.

Современность придала этой проблеме невиданный размах и драматизм, и ее решение озадачивает самые выдающиеся умы. Г. Уэллс провел тонкое различие между *разделением труда и специализацией*.

Первое, с его точки зрения, не лишает человека широты кругозора и правильной ориентации в мире, второе – «проблема или часть проблемы, на которой сосредоточено внимание (...) личности, теперь зачастую много *уже*, чем проблемы, занимавшие Фарадея или Дальтона», хотя «твердо установленные границы, разделявшие некогда физика и химика, ботаника или патолога, давно исчезли»¹⁵.

Выдающийся постпозитивист А.Н. Уайтхед усматривает в современном процессе выработки Знания «два зла». Одно из них состоит в обучении профессионалов, специализирующихся в различных областях мысли и увеличи-

---

¹³ Форум-2000 (Прага). Роль образования и науки в процессе мировой глобализации, http://www.ptpu.ru/issues/2_02/20_2_02.htm

¹⁴ Леонардо да Винчи. Книга о живописи, М.: Просвещение, 1934, с. 123.

¹⁵ Г. Уэллс, Собрание сочинений, т. 14, М.: Наука, 1964, с. 354.

вающих сумму знаний в рамках соответствующего предмета. Но «личность с фиксированными обязанностями, которая в предшествующие времена была находкой для общества, в будущем будет представлять собой социальную опасность».

Другое, обусловленное узкой специализацией, зло заключается в «игнорировании подлинной связи организма с окружающей его средой, (...) в отрицании внутренней ценности окружающей среды, которая должна приниматься во внимание при постановке целей»¹⁶.

Однако развитие противоречия между интеграцией и специализацией научного труда включает в себе также и предпосылки для его разрешения. Они потребовали от науки трансформации не просто во всеобщую, но и *интегральную* форму знания. В каскаде технологических и социальных трансформаций второй половины XX в. – первых десятилетий XXI вв. эта тенденция получила мощный импульс, и назревшая потребность в ней отмечена рядом корифеев научной мысли.

Прежде всего, постнеклассическая наука преодолевает былую позитивистскую гордыню самодостаточности и восходит к *философским* обобщениям. «Матерью всех наук» называл философию А. Эйнштейн. «Ведь совершенно недостаточно, – писал он, – чтобы каждый результат воспринимался, разрабатывался и применялся узким кругом специалистов в некоторой конкретной области. Сужение круга людей, которым доступно знание, до небольшой группы посвященных означало бы умерщвление философского духа народа и наступление духовной нищеты»¹⁷.

Известно и признание классика этологии Л. Лоренца в том, что созданию теории относительности до Эйнштейна ему помешало только отсутствие философского подхода.

Н. Винер разделял эту озабоченность и писал: «Мы (...) были убеждены, что деление науки на различные дисциплины есть (...) административная условность, нужная лишь для удобства распределения средств и сил (...) каждый творчески работающий ученый волен ломать любые перегородки, (...) наука должна создаваться объединенными усилиями многих людей»¹⁸. С точки зрения В. Вернадского, перелом в понимании природы «совпадает (...) с одновременно идущим глубочайшим изменением наук о человеке. С одной стороны, эти науки смыкаются с науками о природе, с другой – их объект совершенно меняется (...). Все ярче выдвигается общность закономерностей для разных проявлений знания – исторических и биологических наук»¹⁹. Всей своей подвижнической научно-организаторской деятель-

¹⁶ А.Н. Уайтхед, Избранные труды по философии, М.: Наука, 1990, с. 258–259.

¹⁷ А. Эйнштейн, Собр. научных трудов в 4 т., т. 4, М.: Наука, 1967, с. 158.

¹⁸ Н. Винер, Кибернетика, М.: Наука, 1968, с. 166.

¹⁹ В.И. Вернадский, Избранные труды, М.: Наука, 1996, с. 239–240.

ностью этот выдающийся мыслитель воплощал единство теории и практики в приоритетных ориентациях современной науки и образования²⁰.

3) *Третье* по счету (отнюдь не по значимости) противоречие развития современного Знания – это испытываемый большинством человечества «футурошок», или нарастающий конфликт между *стабильным* состоянием общества и его *динамикой*, встречей с будущим, которое, по Э. Тоффлеру, буквально «надвигается на настоящее». Незаконченный проект Просвещения заключается в том, что «наше время (...) не стремится стать веком достигших (...) зрелости, гармонически развитых личностей, а только *веком общего и наиболее производительного труда* (...). Общество испытывает удовлетворение, обладая надежным, всегда готовым *орудием* (...). Такая оценка (...) воспитывает «характеры» и *дискредитирует* всякое изменение, переучивание, самопреобразование»²¹.

Таков далеко не всегда эмпирически зримый, но фундаментальный конфликт между традиционным *homo faber* и *homo universalis*.

4. Междисциплинарное или постдисциплинарное знание?

Принципиальный вопрос – о характере и структуре современного Знания. Каким оно все более становится и должно быть – *междисциплинарным* или *постдисциплинарным*? Ситуация, по К. Ясперсу, это «*смысловая действительность*, которая выступает не как физическая, не как психическая, а как конкретная действительность, включающая в себя оба эти момента (...). Эта действительность является предметом не одной, а многих наук (...). Существуют ситуации всеобщие, типические (...)»²².

Тем не менее, «в товарищах согласия нет», и дилемма между разными экспертными подходами по видимости терминологическая, но по сути – смысловая. С одной стороны, в авторитетном документе «Лиссабонской декларации по социальным наукам. Социальные науки в обществе: новое партнерство (2001) отмечается необходимость «стимулировать междисциплинарные исследования», «расширить возможности в сфере междисциплинарного (...) сотрудничества»²³. Й. Роутти, руководитель научно-исследовательского департамента Еврокомиссии, также утверждает, что «все эти вопросы требуют междисциплинарного подхода, который может быть осуществ-

---

²⁰ И.Я. Левяш, В.И. Вернадский – гражданин Отечества и мира, мыслитель и пророк ноосферы, В.И. Вернадский и Л.Н. Гумилев: великий синтез творческих наследий, СПб.: Ноосферная обществ. Акад. наук, 2012, с. 205–219.

²¹ Ф. Ницше, Сочинения в 2 т., т. 1, М.: Рипол классик, 1998, с. 127.

²² К. Ясперс, Смысл и назначение истории, М.: Республика, 1994, с. 257.

²³ Международный журнал социальных наук, М.: РАН, ЮНЕСКО, 2004, №7, с. 21–22.

влен только в работе на ключевых направлениях, ориентированных в большей степени на проблемы, а не на отрасли знаний»²⁴.

Тем не менее, известный социолог М. Доган, директор исследований Национального центра исследований (Париж), пишет, что «сети перекрестных влияний таковы, что они стирают старую классификацию социальных наук (...). Слово ‘междисциплинарный’ уже не подходит, поскольку оно несет в себе намек на дилетантизм, и его необходимо избегать и заменить терминами ‘мультиспециальность’ или ‘гибридизация научного знания’»²⁵. Упрек в дилетантизме междисциплинарного знания вполне обоснован уже потому, что оно продуцирует «многознание» в пространстве *zwischen* (нем. между), не достигая системно-синергического синтеза Знания.

На Международной конференции, организованной белорусскими экспертами совместно с Российской академией гуманитарных наук и журналом «Социально-гуманитарные знания», отмечалось, что на повестке дня не «гибридизация», а органический *постдисциплинарный синтез наук*²⁶.

Таков не только содержательный, но и *институциональный* аспект проблемы, и он требует переосмысления в контексте современной информационной революции. На заседании «круглого стола» «Глобальный экономический кризис и его влияние на национальные образовательные системы» в марте 2014 г. в рамках Московского экономического форума обсуждалась проблема: сегодня, когда электронное обучение больше не является инновацией, поскольку образовательный контент находится в свободном доступе для всех студентов, возникает вопрос: А что дальше? Что люди делают с этими технологиями, какой эффект получают?

Эти вопросы лежат уже в разрезе образовательной стратегии *Smart education* – объединения учебных заведений и профессорско-преподавательского состава для осуществления совместной образовательной деятельности в сети Интернет на базе общих стандартов, соглашений и технологий. То есть речь идет о совместном создании и использовании контента, о совместном обучении. Примером тому может служить проект следующего десятилетия в европейской системе образования – Единый европейский университет с общим деканатом, который будет сопровождать перемещение студентов от вуза к вузу. Болонский процесс даст вузам возможность принимать студентов без переэкзаменовки, создавая, таким образом, *Smart education system* для Европы.

---

²⁴ Й. Роутти, Европейская научно-техническая политика прокладывает новый курс, М.: Евро, 1999, с. 9.

²⁵ М. Доган, Новые социальные науки: разрушение дисциплинарных перегородок, Международный журнал социальных наук, Февраль 1998, №20, с. 169.

²⁶ И.Я. Левяш (ред.), Интегративные тенденции в современном социально-гуманитарном знании, Мн.: МГЛУ, 2000.

Как одна из возможных форм и интернет-технологий оптимизации научно-образовательного процесса в русле стартовой в 2014 г. семилетней евросоюзной программы «Горизонт», такая реорганизация должна быть экспериментально верифицирована с точки зрения баланса приобретений и потерь. Первые очевидны с учетом усиления информационной насыщенности, мобильности и экономической рентабельности процесса, но вторые вызывают опасения утраты главного – традиционно стабильных непосредственных контактов лидеров научных школ и преподавателей со студентами и магистрами, в которых высокий интеллект наставников органически сочетается с их ничем не заменимыми богатым опытом и эмоционально-волевыми качествами. Скажется ли такая глубокая реорганизация на существенном приращении Знания – открытый вопрос.

5. К философской Мудрости

Обсуждение проблемы в этом ракурсе не претендует на истину «в последней инстанции», и является ее авторской интерпретацией. Только «мудрый человек есть мера всего, что существует»²⁷, подчеркивал Демокрит. Между знанием и мудростью – «дистанция огромного размера», и подлинная мудрость характеризуется творческой способностью к органической взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего, проектированию перспективных альтернатив²⁸, которая выражается по меньшей мере в трех атрибутивных чертах.

Во-первых, культура, как воплощенная мудрость, в своем генетическом корне содержит *культ* – «преданья старины глубокой» об одиссее человечества к своим истокам. Роль культа предков, ярко выраженного в древнейших захоронениях, оказывается более архетипической, чем даже трудовая деятельность людей, и свидетельствует о формировании на заре их истории *культурной памяти*. Опыт всех народов убеждает, что без нее зыбки их конструкции настоящего и наглухо закрыта дверь в будущее.

Однако в равной мере «мы не можем жить без музеев, но не можем и жить в музеях» (А.Н. Уайтхед). Культурная память жизнеспособна лишь в процессе обновления. Оно всегда открытый процесс. Единственное табу, которому научает общественно-исторический опыт, по словам старшего современника Конфуция Лао-цзы, заключается в *соблюдении меры*: «Если кто-либо хочет овладеть миром и манипулирует им, того постигнет неудача.

²⁷ Материалисты древней Греции, М.: Просвещение, 1955, с. 85.

²⁸ И.Я. Левяш, Истина между знанием и мудростью, Міжнар. навук. канф. «Доугір-довскія чытанні – 1. Эпістэمالагія і філасофія навукі», Ін-т філасофіі НАН Беларусі, Мн., 2010.

Ибо мир – священный сосуд, которым нельзя манипулировать. Если же кто хочет манипулировать им, уничтожит его. Если кто хочет присвоить его, потеряет его»²⁹. Поэтому мудро ориентированная общественно-историческая практика – это всегда единство органической преемственности и конструирования содержания, форм, технологий и темпов деятельности.

Во-вторых, мудрое Знание тяготеет к реконструкции *целостной* картины реальности с позиций универсализма и все более подтверждает замечательный прогноз К. Маркса: «Человек есть непосредственный предмет естествознания. А природа есть непосредственный предмет науки о человеке (...). Естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука включит в себя обществознание: это будет *одна наука*»³⁰ – *метазнание* о мире человека, которое венчает все более емкое сократовское самопознание. Современный философ, «(...) не обманываясь и не поддаваясь соблазну уклониться в область отдельных наук, неуклонно направляет свой взор на общую картину мира (...)»³¹.

Образование призвано создавать исходные предпосылки этого процесса. В знании «(...) жизнь рассматривается поверхностно, в несовершенных категориях мысли, порожденной одной из профессий (...). Целое теряется в одном из своих аспектов (...) открытия XIX в. требовали профессионализма, так что нам не остается простора для социальной мудрости, хотя мы все больше нуждаемся в ней (...). Именно равномерное развитие индивидуальности должно быть целью образования (...). Тип всеобщности, который более всего необходим, – это постижение разнообразных ценностей»³². Универсализм – это всеобщность региональных и национально-этнических ценностей, и настоятельна потребность достигать меры между ними.

Во-третьих, всегда напряженная проблема мудрости – это определение *темпоральности* процессов и событий. Известная сократовская максима: «Ничего сверх меры» и более поздняя «Чем выше, тем быстрее идет дело» – предполагают постижение меры процесса на временной шкале социально-исторических координат. Известны прецеденты т.н. «преждевременных мыслей», и многие из них (к примеру, прототип компьютера Архимеда или инженерные конструкты Леонардо да Винчи) опередили целые эпохи. Иное дело – утопии, неадекватные реальности. Такова, как известно, ревизионистская идея победы революции «в одной, отдельно взятой стране» – в то время как аутентичный марксизм исходил из необходимости революции вначале в группе развитых государств. А ведь Л. Толстой писал Ленину: «Вы гоните революцию из первого месяца беременности в девятый». Последствия

²⁹ История философии в кратком изложении, М.: Мысль, 1994, с. 62.

³⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс, Собр. соч., т. 42, с. 124.

³¹ Ф. Ницше, Сочинения в 2 т., т. 1, М.: Рипол классик, 1998, с. 129.

³² А.Н. Уайтхед, Избранные труды по философии, М.: Наука, 1990, с. 259–261.

такого «нетерпения сердца (С. Цвейг) известны. Однако в современных условиях более заметна асимметрия между кардинальными и динамичными процессами глобализации, информацион-ной революции, императивами опережающего формирования человеческого капитала и консервативным состоянием общественного сознания, менталь-ности большинства общества. Недавно английские исследователи по пути круинам города инков наблюдали «индейский синдром»: ученые рвались вперед, но индейцы-проводники не спешили. На вопрос о причинах такой неторопливости они ответили исчерпывающе: «Наши души отстают».

Особенно значима мера между динамикой объективных процессов и нашими «душами» в *управлении* обществом. Директивно-административное («вертикальное») управление, не сопряженное с сетевым («горизонтальным»), не оправдало себя, но тип управления, практикуемый ныне даже в развитых странах мира, особенно на этапе последнего кризиса и исхода из него, имеет в основном *ситуационный* характер в духе Наполеона («Вначале вяжемся в бой, а там посмотрим»).

Не отрицая известной тактической роли такого типа управления (особенно в ситуации, когда «бой» по сути навязан), отметим, что мудрость заключается в стратегическом *превентивном* управлении, основанном на предвидении, альтернативном (сценарном) прогнозировании, моделировании, проектировании и программировании деятельности. Эта задача явно не для «калифов на час», а для субъектов, сознающих высокий смысл своей деятельности и способных отвечать на судьбоносный вопрос «Во имя».

Ориентация в современном мире с его неопределенностью, структурной сложностью и динамикой в идеале должна быть вездесущей, не знающей дифференциации на макро – и микропроцессы. Тем более, что «мелочи создают совершенство, но и совершенство – уже не мелочи». Достаточно сослаться на первоначально маргинальные идеи Э. Циолковского, которые затем стали парадигмой космической одиссеи человечества.

На наш взгляд, следуя такой логике, возможно и необходимо возродить роль и престиж философии как знания об универсалиях человека в мире и мире человека, высокого искусства их постижения и смысложизненного проекта. В этой системе координат мудрый человек остается «мерой всех вещей», но в кардинальном отличии от своего протагоровского предтечи, *человек – смыслообразующий эпицентр всех вещей в той мере, в какой все вещи – мера человека.*

Filozofia jak sofia. Ku wiedzy postdyscyplinarnej

abstrakt

Autor rozważa stan kryzysowy wiedzy filozoficznej w drodze odpowiedzi na pytania: dlaczego filozofia stała się niepotrzebna i co należy zrobić, żeby wyprowadzić ją ze stanu kryzysowego? Odpowiedź na te pytania wymaga wyjaśnienia źródeł, istoty i następstw zarówno tradycyjnie znanego „blasku” filozofii w trakcie jej ewolucji, jak i nieuchwytnego i nie uświadomionego jeszcze zjawiska jej „nędzy”.

słowa kluczowe: kryzys filozofii, wiedza, współczesność, mądrość

ключевые слова: кризис философии, знание, современность, мудрость

Philosophy as Sophia. Towards to Postdisciplinary Knowledge

Abstract

The author reflects the crisis situation of philosophical knowledge answering the following questions: why philosophy is no longer needed and what should be done to save it from this crisis? The answers require learning the sources, being and consequences of its traditionally known “shine” throughout its evolution as well as its subtle “poverty”.

keywords: the crisis of philosophy, knowledge, contemporaneity, wisdom

Библиография

- Арон Р. 1993. *Этапы развития социологической мысли*. Москва: Прогресс.
- Бердяев Н.А. 1994. *Философия творчества, культуры, искусства*, том 1. Москва: Лига.
- Вернадский В.И. 1996. *Избранные труды*. Москва: Наука.
- Винер Н. 1968. *Кибернетика*. Москва: Наука.
- Виттрок Б. 2002. „Современность: одна, ни одной или множество?”. *Полис* 1: 141–159.
- Гегель Г.В.Ф. 1993. *Философия истории*. Санкт-Петербург: Наука.
- да Винчи Леонардо. 1934. *Книга о живописи*. Москва: Просвещение.
- Доган М. 1998. „Новые социальные науки: разрушение дисциплинарных перегородок”. *Международный журнал социальных наук*. Февраль, № 20.
- История философии в кратком изложении*. Москва: Мысль, 1994.
- Левяш И.Я. 1996. „Реформы и трансформы”. *Беларуская думка* 11: 52–56.
- Левяш И.Я. (ред.) 2000. *Интегративные тенденции в современном социально-гуманитарном знании*. Минск: МГЛУ.
- Левяш И.Я. 2010. „Истина между знанием и мудростью”. В *Міжнар. навук. канф. «Другірдовскія чытанні – 1, Эпістемалагія і філасофія навукі»*. Минск: Ин-т философии НАН Беларуси.
- Левяш И.Я. 2012. „В.И. Вернадский – гражданин Отечества и мира, мыслитель и пророк ноосферы”. В *В.И. Вернадский и Л.Н. Гумилев: великий синтез творческих наследий*. Санкт-Петербург: Ноосферная Общественная Академия Наук.
- Лосев А.Ф. 1992. *История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития*. Москва: Искусство.
- Маркс К., Ф. Энгельс. *Собр. соч.* том 42.
- Материалисты древней Греции*. Москва: Просвещение, 1955.

- Международный журнал социальных наук*. Москва: РАН, ЮНЕСКО, 2004. № 7.
- Миранола Дж. 2003. „Речь о достоинстве человека”. В *История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5 тт.*, том 1. Москва: Искусство.
- Ницше Ф. 1998. *Сочинения в 2 т.*, том 1. Москва: Рипол классик.
- Оруэлл Дж. 1992. *Эссе, статьи, рецензии в 2 т.*, том 2. Пермь: Капик.
- Роутти Й. 1999. *Европейская научно-техническая политика прокладывает новый курс*. Москва: Евро.
- Сорокин П. 1992. *Человек. Цивилизация. Общество*. Москва: Издательство политической литературы.
- Тарнас Р. 1995. *История западного мышления*. Москва: Крон-пресс.
- Уайтхед А.Н. 1990. *Избранные труды по философии*. Москва: Наука.
- Уэллс Г. 1964. *Собрание сочинений*, том 14. Москва: Наука.
- Форум-2000 (Прага). „Роль образования и науки в процессе мировой глобализации”
http://www.ptpu.ru/issues/2_02/20_2_02.htm
- Эйнштейн А. 1967. *Собр. научных трудов в 4 т.*, том 4. Москва: Наука.
- Эпштейн М. „Выход из кризиса гуманитарных наук – в них самих”. <https://theconversation.com/the-solution-to-the-humanities-crisis-must-come-from-within-24137>
- Ясперс К. 1994. *Смысл и назначение истории*. Москва: Республика.